

Чжао Шинин вежливо и учтиво проводила Бай Цуньюэ в Павильон Безграничности.

— С тех пор как я пришла сюда, в Павильоне Безграничности никогда не было гостей. Вы — первый. В этом дворе даже присесть негде, может, проводить вас в комнату к моему наставнику?

— Не утруждайся, я подожду Се Линьчжо здесь.

Бай Цуньюэ лишь легко взмахнул рукавом, и во дворе из ниоткуда появились каменный стол и два табурета. На столе стоял кувшин с испускающим клубы пара чистым чаем, и даже усохшая на вид зизифусовая олива словно ожила после зимней спячки, вновь наполняясь жизненной силой.

Чжао Шинин подошла к этому дереву и, подняв голову, залюбовалась пышной зеленой листвой. Между листьями ярко алели сочные плоды, теснясь на ветках и выглядя поистине прекрасно. Не удержавшись, она протянула руку, сорвала маленький плодик и робко надкусила его.

От жуткой горечи Чжао Шинин скривила брови, но пожаловаться еще не успела, как Бай Цуньюэ уже протянул ей пиалу с горячим чаем.

— Пей медленно, не обожгись.

Она торопливо приняла пиалу и стала маленькими глотками потягивать сладковатый чай, лишь после этого избавившись от только что испытываемой горечи.

— И надо же, с виду этот плод такой красивый, а на вкус горький ужасно. У меня чуть язык не отнялся.

Чжао Шинин подряд осушила несколько пиал чая, которые подливал Бай Цуньюэ, и лишь тогда заглушила это ощущение, пронзившее все ее внутренности.

Уголки глаз Бай Цуньюэ слегка изогнулись:

— Быть может, тебе просто не повезло, и тебе достался испорченный плод.

Чжао Шинин опустилась на каменный табурет, подперла щеку рукой и тяжело вздохнула:

— И то верно, удача — это вещь, которой я отроду не отличалась.

Но стоило ей вздохнуть, как она тут же вернулась к своему обычному вздорному и капризному виду и принялась выговаривать Бай Цуньюэ:

— Во всем виноват ты! Если бы ты не оживил это дерево, разве стала бы я мучиться от этой паршивой ягоды?

— Видит небо, я перед тобой виноват.

Бай Цунъюэ согласно кивнул.

— Тогда сруби эту проклятую деревяку и посади взамен другую, которая приносит сладкие плоды.

Чжао Шинин указала на старое дерево, возраст которого наверняка приближался к сотне лет.

— Боюсь, так нельзя. Если твой наставник вернется и не найдет это дерево, он наверняка огорчится — в конце концов, эту зизифусовую оливу он посадил своими руками.

Бай Цунъюэ неотрывно смотрел на нее, ожидая ответа.

Чжао Шинин и без того затаила обиду на Се Линьчжо, а услышав это, фыркнула и рассмеялась.

— Не шути так. С чего бы Се Линьчжо расстраиваться из-за какого-то дерева? Он же чудовище, от рождения лишённое чувств.

Глаза Бай Цунъюэ стали еще более манящими, а взгляд то и дело соскальзывал на плотно закрытую дверь двора.

— Как ты можешь так говорить о Се Линьчжо? Неужели у тебя какие-то недоразумения с твоим наставником?

Чжао Шинин редко выпадала возможность поболтать с тем, кто был готов ее выслушать. Горькая желчь, что копилась в ней больше десятка лет, наконец-то нашла выход, и перед лицом этой нежной и понимающей красавицы-лисицы она, поддавшись какому-то помутнению рассудка, выпалила всю правду:

— Какие у меня могут быть недоразумения? Мы живем под одной крышей уже больше десяти лет, неужели я его не знаю? Такой человек, как он, создан для того, чтобы вечно оставаться одиноким. Любому, на чьем пути он встретится, уготовано страшнейшее проклятие на восемь жизней вперед.

— И все же, позволь спросить, как вы с Се Линьчжо познакомились? Я-то думал, у человека с его характером вообще не может быть друзей. Вы познакомились на небесах?

Чжао Шинин совершенно ничего не знала о прошлом Се Линьчжо, а он никогда и словом не обмолвился ей о своей жизни.

Бай Цунъюэ покачал головой и, немного подумав, произнес:

— Мы познакомились в мире смертных. Тогда он был еще подростком лет десяти с небольшим. Помню, он лежал у Храма Лисьего Бессмертного с ног до головы в ранах, и мои подданные принесли его в Цинцю.

— С ног до головы в ранах? И опять из-за истребления демонов и нечисти?

Чжао Шинин давно привыкла к тому, что Се Линьчжо вечно ранен.

— Нет. Он спешил увидеться в последний раз со своей умершей матерью. Но наставник Се Линьчжо был с ним чрезвычайно суров: он требовал, чтобы Се Линьчжо отринул страсти и обрёл абсолютное бесчувствие, не позволяя ему заводить никаких привязанностей. Мало того что он отказался отпустить Се Линьчжо с горы, так еще и высек его несколькими сотнями ударов плети, приказав сутками напролет стоять на коленях в Павильоне Безграничности.

Услышав это, Чжао Шинин почувствовала некоторое облегчение и, не в силах сдержать любопытство, тут же спросила:

— И что же было дальше?

— Се Линьчжо все-таки сбежал с горы. Только вот, добравшись до мира смертных, он обнаружил, что у его родителей уже родился второй ребенок, а собственный отец даже забыл его и при встрече не узнал.

Узнав о трагическом прошлом Се Линьчжо, Чжао Шинин злорадно ухмыльнулась и, не задумываясь, выпалила:

— Поделом ему! При таком характере родители наверняка терпеть его не могли, раз уж сослали на гору изучать этот их Путь Бессердечности.

Не успела она договорить, как створки ворот со стуком распахнулись.

Се Линьчжо стоял посреди сумерек. Вечерний ветер трепал его одежды, в руке он сжимал меч, с которого непрерывно капала кровь, а его парадные белые одежды были густо забрызганы алыми пятнами, расплзающимися словно цветы сливы.

Он бесстрастно бросил взгляд на Чжао Шинин.

Чжао Шинин от ужаса перехватило дыхание. Неизвестно, сколько он простоял у ворот и слышал ли всё то, как она его ругала...

Она понимала, что ей конец, но в присутствии Бай Цунъюэ пасть ниц перед ним, как бывало прежде, она просто не могла.

Потерять лицо перед красавцем ей не хотелось, поэтому она из последних сил делала вид, что продолжает беседу с Бай Цунъюэ, полностью игнорируя присутствие Се Линьчжо.

К счастью, Бай Цунъюэ первым нарушил неловкое молчание:

— Куда это ты ходил? Как умудрился так измазаться в крови? Ты ведь не ранен?

— На гору Юду. Ходил за Травой, Удерживающей Душу.

Когда Се Линьчжо заговорил, Чжао Шинин даже не подняла головы. Лицо его помрачнело еще сильнее, он лаконично ответил на вопрос Бай Цунъюэ и, больше не сказав тому ни слова, повернулся и ушел в комнату.

Услышав название Травы, Удерживающей Душу, Бай Цунъюэ бросил взгляд на растерянное лицо Чжао Шинин.

В его глазах мелькнуло легкое сожаление, и он произнес:

— Твой наставник наверняка расслышал те слова. Боюсь, сладкой жизнь тебе теперь не покажется.

Чжао Шинин хотела ответить, что сладкой она у нее и так никогда не была, но сообразила, что Се Линьчжо вполне мог расслышать и это, поэтому вовремя прикусила язык.

И почему только в присутствии Бай Цунъюэ она бессознательно выбалтывала всё, что следовало и не следовало говорить?

— Ах ты лисья морда, ты что, наложил на меня какое-то заклятие, раз я понеслась языком молоть и вляпалась в такую беду?

Чжао Шинин меняла отношение быстрее, чем погоду: только что была с Бай Цунъюэ вежлива и улыбалась во все 32 зуба, а теперь наградила его титулом не иначе как лисьей морды.

Бай Цунъюэ внезапно поднялся, подошел к ней вплотную, и его ослепительное, затмевающее саму весну лицо оказалось совсем близко.

Ее тут же сморило, в глазах поплыло, взгляд расфокусировался — перед ней осталась лишь крошечная алая родинка на кончике его носа, а воздух вокруг пропитался сладковатым ароматом его тела.

Он легко подцепил пальцем прядь волос, прилипнувших к ее щеке.

— Моей вины тут нет. Кто просил тебя только что утверждать, будто мое колдовство никуда не годится? Я человек злопамятный, вот и захотел, чтобы ты испытала это на собственной шкуре.

Чжао Шинин от злости едва не теряла сознание и, не долго думая, мертвой хваткой вцепилась зубами в шею Бай Цунъюэ.

— Проклятый лис, вонючий лис, развратный лис, я тебя загрызу!

Бай Цунъюэ тихо щелкнул пальцами, и тело Чжао Шинин моментально обмякло, она уткнулась лицом в каменный стол.

Его взгляд скользнул к окну, где стоял Се Линьчжо.

— У этой твоей ученицы, кажется, появилось лишнее чужое духовное начало и душа. Думаю, хозяйку этой души я прекрасно знаю.

— Кажется, тебя это совершенно не касается, — холодно бросил Се Линьчжо, в голосе которого сквозило необъяснимое раздражение.

Заметив, что тот говорит с ядовитой издевкой, Бай Цунъюэ лишь глубже прищурился и провел рукой по ране на шее.

— Твоя ученица донельзя забавна. Не хотелось бы, чтобы ты ее угробил — в конце концов, если насильственно вырвать душу, живым уже не останешься, на всю жизнь останешься калекой.

Се Линьчжо живо припомнил, как нежно Чжао Шинин льнула к Бай Цунъюэ всего мгновение назад.

И против воли вспомнил, как еще вчера она клялась ему в любви и льнула к нему, вымаливая ласки.

Она — лгунья.

Он равнодушно уставился на Бай Цунъюэ.

— Жить моей ученице или умереть — это, судя по всему, никак не касается Императора Цинцю.

Бай Цунъюэ чуть приподнял уголки глаз, перебирая пальцами золотые бубенцы на кисти.

— Не виделась каких-то двадцать лет, а нрав у тебя стал только сквернее. Похоже, все эти годы твоя ученица изрядно тебя третировала.

Се Линьчжо с резким стуком захлопнул створку окна.

Бай Цунъюэ ничуть не задело такое неуважение; раз уж он повидал Се Линьчжо, можно было со спокойной совестью возвращаться назад.

Он склонился над всё ещё без сознания Чжао Шинин, и на его ладони медленно начал собираться сгусток золотого света, который вскоре окутал девушку и плавно растворился в воздухе.

— Малышка, я с тобой еще за укус не рассчитался, так что постарайся не дать своему наставнику себя прикончить.

А внутри комнаты.

Се Линьчжо распахнул одежды и опустил взгляд на кровоточащую рваную рану, сквозь которую, сквозь пробитую насквозь грудь, можно было различить биение сердца.

Он почти против своей воли вновь прокручивал в голове слова Чжао Шинин.

Он — от рождения одинокий человек, он — бессердечное, холодное чудовище, любому, кто его встретит, суждено проклятие на восемь жизней...

Се Линьчжо ощутил прилив глухого раздражения. Помимо боли от физической раны, он смутно почувствовал другую, гораздо более тупую боль, которая превосходила рану в тысячи раз.

Особенно когда он слышал, как Бай Цунъюэ пересказывал Чжао Шинин его прошлое — эта невыносимая тягостная боль едва не разрывала его на части.

Не вовремя он вспомнил о своих родителях, которые умерли много лет назад.

Они тоже вечно твердили, что любят его, но стоило ему в детстве расплакаться и закатить истерику из-за того, что он не хочет оставаться в Чанлю, как отец без колебаний переломал

ему ноги палками и привязал к столбу, чтобы он постигал Путь Бессердечности.

Внешнее расходится с внутренним. Лицемерные, омерзительные твари.

Точно такие же, как Чжао Шинин.

Ледяная ци в руке Се Линьчжо медленно сгустилась, превращаясь в кинжал.

До того как стать бессмертным, пропадая в завывающей снежной буре, он чаще всего занимался тем, что полосовал кинжалом собственные руки, оставляя одну за другой кровавые полосы, а потом часами следил за тем, как они медленно затягиваются.

Чжао Шинин, Чжао Шинин, Чжао Шинин.

Во всем виновата Чжао Шинин.

Зачем она несла этот бред, заставляя его вспоминать прошлое и вызывая в нем это странное, мучительное смятение...

Ничего страшного.

Она ведь все равно скоро умрет.

Он вновь нанес удар кинжалом прямо в то место, где изнывало от боли сердце.

Никто не сможет растревожить его душу.

Ни мертвые родители, ни наставник.

И тем более — Чжао Шинин.

<http://bllate.org/book/22397/2350508>